

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 76

1908.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ

въ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Видите вси въ радость Господа своего! Христосъ Воскресе —
День Светлаго Христова Воскресенія. Н. К.—На пути въ объятія Отчи (Изъ
дневника пнока). Сообщилъ І. А. З.—Сила Божія и немощь человѣческая
Христосъ Воскресе! *Сергѣя Нилуса.*

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ВНИДИТЕ ВСИ ВЪ РАДОСТЬ ГОСПОДА СВОЕГО!

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ.

какъ много въ этихъ двухъ словахъ самой свѣтлой, чистой, несказанной радости для сердца истиннаго Христіанина! Духъ захватываетъ, когда изъ отверзшихся дверей притвора вдругъ прорвутся и понесутся по всему храму родные звуки всѣмъ знакомой пѣсни Воскресенія: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ...* Закипаютъ слезы въ груди: такъ бы и зарыдалъ, такъ бы и повергся въ прахъ, еслибъ не это повсюдное ликованіе, не эта дивная пѣснь, поднимающая мертвыхъ изъ гробовъ... „Никтоже,—говоритъ великій учитель Церкви, святой Златоустъ,—никтоже да рыдаетъ убожества: явился бо общее царство. Никтоже да плачетъ прегрѣшеній, прощеніе бо отъ гроба возсія. Никтоже да убоится смерти: свободы бо насъ Спасова смерть“. Предъ очами ликовствующей Церкви нѣтъ разницы ни между праведно пожившимъ въ минувшіе дни, ни между грѣшнымъ, по слабости естества своего,—лишь бы пришли и явились они на пиръ ея великій, лишь бы принесли съ собой сердце открытое: всѣхъ равно объемлетъ она любовію, ко всѣмъ простираетъ материнскія свои объятія.—„Благочестивъ ли ты и боголюбивъ,—вѣщаетъ она златыми устами святаго Іоанна,—насладись сего добраго и свѣтлаго торжества; благоразумный ли ты рабъ, вниди радуясь въ радость Господа твоего; потрудились ли ты постясь, воспріими нынѣ динарій; дѣлалъ ли ты отъ перваго часа, приими днесъ праведный долгъ; пришелъ ли ты по третьемъ часѣ, благодаря празднуй; достигъ ли по шестомъ, не сумнися ничтоже, ибо ничимъ же отщетишися. Приступи ничтоже сумняся, ничтоже бояся, лишившійся и девятаго часа; не утрашися замедленія и ты, достигшій и во единонадесятый часъ: любочестивъ бо сый Владыка, приемлетъ послѣдняго, якоже и перваго; упокоеваетъ во единонадесятый часъ пришедшаго, якоже дѣлавшаго отъ перваго часа; и послѣдняго

милуетъ, и первому угождаетъ, и оному даетъ, и сему дарствуетъ; и дѣла пріемлетъ, и намѣреніе цѣлуетъ, и дѣяніе почитаетъ, и предложеніе хвалитъ. Тѣмже убо видите вси въ радость Господа своего; и первіи и вторіи мзду пріимите: богатіи и убозіи другъ со другомъ ликуйте; воздержницы и лѣнiviи день почитите; постившіися и непостившіися возвеселитесь днесь! Трапеза исполнена: никтоже да изыдетъ алчай! Все насладитесь пира вѣры. вси воспріимите богатство благодсти!“

Боже мой! Что за обиліе любви, что за готовность обрадовать всѣхъ безъ изъятія! Но иначе и быть не могло, да и не можетъ быть. Вѣдь это говоритъ мать къ дѣтямъ своимъ, мать обрадованная, та самая мать, которая скорбѣла съ учениками Христовыми: *мы надѣяхомся, яко Сей есть хотяя избавити Израиля: но и надъ всеми сими третій сей день есть днесь, отнележе сія быша* (Лук. 24, 21),—мать, отъ радости недоговаривающая словъ, вся сіяющая неземнымъ веселиемъ, вся ликующая небеснымъ восторгомъ... Что ей до того, что этотъ сынъ пришелъ на праздникъ изъ страны далече, а тотъ былъ все время близъ нея! Когда разбирать ей, что этотъ жилъ по ея уставамъ и велѣніямъ, а этотъ ходилъ по грѣшнымъ начинаніямъ сердца своего! У ней праздникъ: она видитъ дѣтей, которыя сошлись къ ней съ разныхъ сторонъ, пришли оттуда, откуда она и не ждала ихъ,—и довольно съ нея! **Христось воскресе**, говоритъ она, лобызая того и другого, добраго и недобраго.—„Мать, прости меня!“ говорятъ ей заблудшія дѣти, а она, съ радостными слезами на глазахъ, отвѣчаетъ имъ: **Христось воскресе, Христось воскресе!** *Простимъ вся воскресеніемъ, и тако возопіимъ: Христось воскресе!* Идите ко мнѣ всѣ, всѣ до единого; вѣдь за васъ, за всѣхъ васъ страдалъ Онъ, славно прославившійся нынѣ, смертію смертью поправый и сущимъ во гробѣхъ животь даровавый!

И вижу я, сквозь полупрозрачную дымку разносящагося өмiама,—идетъ ко кресту Христову и украшенный знаками отличія труженикъ государственной жизни—вѣр-

ный царскій слуга, идетъ и торгующій и продающій, давая себѣ ослабу отъ житейскихъ суетъ, идетъ и бѣдный чиновникъ, на послѣднюю, тяжкимъ трудомъ заслуженную копѣйку купившій красное яичко для дѣтей своихъ, идетъ и поденный работникъ—крестьянинъ, крестя намозоленою рукою морщинистый лобъ свой, идутъ всѣ отъ Царя до послѣдняго бездомнаго нищаго, и всѣ лобызаются съ радостнымъ привѣтомъ: **Христось воскресе!..**

Чтожь ты стоишь, святая душа? Что за скорбь на добромъ челѣ твоёмъ? Слышала ли ты слова учителя твоего: „никтоже да плачетъ прегрѣшеній, прошеніе бо отъ гроба возсія?“

— „Увы, мнѣ ли участвовать въ общей радости, когда я враждую на брата моего, когда я боюсь, чтобъ онъ не подошелъ ко мнѣ съ обычнымъ привѣтомъ? Что я отвѣчу ему?“..

А вотъ что, радость ты моя: „прости вся воскресеніемъ, и тако возой: **Христось воскресе!**“ Вѣрь, что просвѣтитсѣ лицо твое, обновится духъ твой, закипитъ восторгомъ сердце твое, и недругъ твой покажется тебѣ лучше лучшаго друга. Знаешь ли, гдѣ теперъ мѣсто злобѣ и ненависти, плачу и скрежету зубовъ? Въ адѣ, между вѣчными и мрачными его обителями. Но аду этому нельзя не злобствовать, ибо онъ поруганъ бысть, связася, низложися, упразднися, умертвися. Тебѣ ли, святая, Христомъ искупленная душа, въ день Христовъ подражать адскимъ обителямъ?..

А ты что стоишь у порога церковнаго, смутный и невеселый? Ты отчего нейдешь ко кресту Христову, не обнимаешь близъ стоящаго брата твоего съ радостнымъ привѣтомъ?

— Я—еврей, отвѣчаешь ты.

Да, ты еврей, ты тотъ, для котораго крестъ Христовъ составляетъ соблазнъ; для котораго и Самъ Христось распятый и въ третій день воскресшій есть соблазнъ... Но ты вѣдь соблазнялся и тогда, когда послана была тебѣ манна съ неба; ты и тогда спрашивалъ: *что есть сіе?*

(Исх. 16, 15). И однакожь ты исцѣлялся нѣкогда однимъ взглядомъ на мѣднаго змія, вознесеннаго на крестъ. Скажи же: какимъ образомъ исцѣляла тебя эта мѣдь? Какъ изваянный змѣй спасалъ тебя отъ угрызеній живой змѣи? Скажи намъ это, скажемъ и мы тогда тебѣ, какъ Пасха Господня приводитъ насъ отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси. Мы не соблазнялись никогда, не соблазняемся и теперь зміемъ пустыннымъ, котораго водрузилъ нѣкогда Моисей на дрѣвѣ; мы знаемъ, что онъ былъ прообразомъ Того, Кто за грѣхи наши вознесенъ былъ на крестъ, и крестомъ воскресилъ и оживилъ насъ, умерщвленныхъ преступленіемъ горькимъ: зачѣмъ же ты блазнишься тѣмъ, что мы празднуемъ востаніе Того, о Комъ говорили пророки твои, надъ Кѣмъ сбылось буквально все, реченное о Немъ въ Законѣ и Пророкахъ? Вѣдь это — Онъ, предъ Кѣмъ палъ вашъ Іерусалимъ и храмъ, такъ что и камня на камнѣ не осталось въ нихъ! Вѣдь это Онъ, Который предсказалъ и оплакалъ разсѣяніе нѣкогда возлюбленнаго Своего Израиля по лицу земному! Вѣдь это во имя *Его* пріютили теперь тебя, бездомнаго, отверженнаго всѣми народами, и дали тебѣ права, которыхъ ты недостойнъ, ты, потомокъ Его убійць, кричавшихъ Пилату: *распи, распни Его!* тогда какъ Онъ молился за этихъ убійць на крестѣ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ до, что творятъ.*—Какихъ же послѣ сего еще тебѣ знаменій, о іудей? Познай же, познай Спасителя своего, иди ко кресту Его и отвѣтъ намъ на братское привѣтствіе наше такъ: *воистину воскресе Христосъ!..*

А ты что стоишь за порогомъ храма, отчего нейдешь въ блистающій огнями домъ Бога нашего?

— Не пойду, говоришь, потому что ваше празднество кажется мнѣ безуміемъ.

Итакъ, ты ищешь мудрости? Иди, мы покажемъ ее тебѣ. Ты знаешь всемірную исторію; вспомни же, какъ языческіе мудрецы поклонялись идоламъ, которыхъ сами же считали бездушными и смѣялись надъ ними. Эти мудрецы не имѣли силы бороться съ безумнымъ, многобожі-

емъ; но прошло четыре вѣка, и куда дѣвались всѣ идолы? Они пали отъ проповѣди Галилейскихъ рыбаей, залиты кровью мучениковъ, и на мѣстѣ ихъ сіяетъ крестъ Распятаго Хріста. Одинъ изъ семи мудрецовъ древности. Платонъ, говорилъ, что истинаго Бога найти трудно, а еслибъ кто и нашель Его, то о Немъ нельзя бесѣдовать со всѣми. А вотъ же стало можно и это: не прошло и ста лѣтъ по воскресеніи нашего Спасителя, а объ Отцѣ природы и человѣковъ, о Богѣ богословствуютъ—и образованный грекъ, и воинственный римлянинъ, и варварь, и скиѣ, и даже наши малыя дѣти говорятъ о Немъ то, чего и не снилось всѣмъ этимъ мудрецамъ древности языческой. Какой же тебѣ еще премудрости, любитель мудрости? Иди же къ намъ въ свѣтло сіяющей храмъ, просвѣтись воскресенія днемъ! Ты узнаешь здѣсь премудрость Божию, отъ вѣковъ и родовъ сокровенную и нынѣ намъ явленную. Отложи свои земныя мудрованія, не измѣряй Божіей премудрости ничтожною мѣрою своего себялюбиваго разума, и ты познаешь тайны, о которыхъ и мечтать не смѣетъ земное мудрованіе.

Воскресенія день, просвѣтимся людие, Пасха, Господня Пасха! Отъ смерти бо къ жизни и отъ земли къ небеси Хрістось Богъ насъ приведе, побѣдную поющія!..

День Свѣтлаго Хрістова Воскресенія.

„Все истоцилъ еси богатство щедроть Твоихъ, Спасе (Церк. пѣснь).

Родился насъ ради, пострадалъ, умеръ, воскресъ и дароваль Себя въ снѣдь вѣрнымъ. Какая теплота любви, какая бездна человѣколюбія!

Господь Своими страданіями и смертію снялъ тяготѣвшую надъ родомъ человѣческимъ клятву и примирилъ насъ съ Богомъ Отцомъ.

Отъ Бога Отца, чрезъ Сына, излилась на вѣрующихъ благодать Духа Святаго.

Чрезъ грѣхопаденіе Духъ Божій отступилъ отъ человѣка; черезъ смерть Сына Божія опять излился на всяку плотъ.

И смотри, какимъ образомъ: въ началѣ Духъ Святой сниз-

шелъ на Сына, а потомъ уже на прославленіи Его и на всѣхъ вѣрующихъ.

Но источникомъ духовной жизни является для насъ Сынъ Божій, такъ какъ отъ Его полноты сообщается намъ благодать.

„И отъ полноты Его вси мы пріяхомъ и благодать возблагодать. (Іоан. Гл. 1.).

Какимъ же образомъ подается Духъ Святой чрезъ Сына?

Чрезъ пріобщеніе Святыхъ Христовыхъ Таинъ и чрезъ другія святыя таинства.

Вотъ философія Христіанская.

Отличительный признакъ истиннаго христіанина: имѣть Духъ Христовъ. Если же ты не имѣешь Его, то ты не Его.

Присутствіе Христова тогда будетъ въ тебѣ, когда будутъ у тебя въ сердцѣ плоды Духа: правда, радость, миръ и любовь.

Представляя все величіе совершеннаго Сыномъ Божиимъ насъ ради, какою бы нужно имѣть заботу о своемъ спасеніи, объ угожденіи Богу, объ исполненіи Его Святыхъ заповѣдей?...

Н. К.

На пути въ объятія Отчи.

(Изъ дневника инока).

(Продолженіе).

1894 г. 28 Января. Вся вселенная съ видимыми и невидимыми мірами представляетъ одинъ домъ Божій, въ которомъ Господь—любвеобильнѣйшій Отецъ нашъ, Отецъ небесныхъ Ангеловъ, святыхъ Божіихъ и насъ грѣшныхъ—живыхъ и умершихъ. На всѣхъ насъ изливается Его безпредѣльная любовь чрезъ Единороднаго Его Сына во Святомъ Духѣ. Всѣхъ Онъ содержитъ въ лонѣ Своей Божественной любви, всѣхъ покрываетъ, и всѣхъ до единого, до самаго отъявленнаго, и упорнаго и ожесточеннаго изъ грѣшниковъ готовъ принять въ царство Свое небесное, если бы всѣ мы образумились, сознали всю нелѣпость и низость грѣха и увидѣли красоту и величіе добродѣтели, отъ искренняго сердца раскаялись и съ благоговѣніемъ бросились въ Его Отческія объятія любви. Приидите же всѣ, восплачемъ и припадемъ предъ Нимъ, въ умиленіи сердца взывая: *помилуй насъ, Господи, помилуй насъ!*

Видѣвъ въ другомъ, братѣ твоёмъ, какой либо грѣхъ, ты уже презираешь его и сторонисься отъ него. Посмотри на другихъ, посмотри прежде всего и на себя; во всѣхъ ты увидишь грѣхи: у одного одни, у другого другіе,—а все же грѣхи. Хоть у брата твоего большіе и тяжкіе грѣхи, а у тебя, ты думаешь, легкіе,—все же грѣхи одинаково Господу ненавистны. И то еще подумай: можетъ быть ты за свой, повидимому легонькій грѣ-

шокъ болѣе виновенъ и непріятенъ Господу, чѣмъ братъ твой за свои грѣхи. Все предоставь Господу, праведному Суднѣ, смотрящему на сердце человѣка. Итакъ всѣ мы предъ Богомъ грѣшны и виновны, всѣ мы достойны жалости, и взаимное состраданіе во грѣхахъ—первая обязанность хрістіанина; противные же ему осужденіе и презрѣніе ближняго—смертный грѣхъ, порожденіе дьявольской гордости.

Слава, Господи, Кресту Твоему честному! О если бы намъ хрістіанамъ постигнуть все величіе креста Господня, безпредѣльную любовь Божию, милосердіе и состраданіе Сына Божія и силу Духа Святаго, явленныя въ немъ и могущія привлечь къ подножію его самаго ожесточеннаго грѣшника! Тогда только понятно будетъ для насъ и чествованіе знаменія Креста Господня, какъ священнаго символа существеннаго въ хрістіанствѣ. Когда искушаешься грѣхомъ, безконечно оскорбляющимъ Бога, вспомни Крестную Жертву безконечной любви Его къ тебѣ и одумайся! Когда же по невѣдѣнію и слабости естества падешь, то, бросивъ уныніе и отчаяніе, со слезами искренняго раскаянія спѣши въ распростертыя объятія сострадающаго грѣшнику Хріста. Увидишь брата, по невѣдѣнію ко грѣху идущаго, предотврати его наносить раны Распятому, а согрѣшившаго уже, съ молитвою за него, предоставь суду милосердія Божія, не осуждая самъ.

29 Января. Если при жизни на землѣ Господь полагалъ душу Свою за овцы, то тѣмъ болѣе Онъ защищаетъ избранныхъ Своихъ отъ мысленнаго волка, когда смертію Своею упразднилъ имущаго державу смерти. Только намъ самимъ при приближеніи врага нужно прибѣгать подъ кровь Добраго Пастыря, тѣмъ болѣе не вдаваться въ обольстительныя сѣти врага, когда замѣтимъ ихъ. Пусть врагъ Его будетъ и нашимъ врагомъ. Въ этомъ будетъ вся наша вѣрность нашему Взбранному Воеводѣ и условіе нашей безопасности.

СИЛА БОЖІА И НЕЖИТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

I.

Пасха 1906 года долго будетъ памятна Оптиной Пустыни ¹⁾. Свѣтло праздновался вѣрными въ Оптиной обители этотъ Празд-

¹⁾ Эта великая по духу истиннаго монашества Пустынь находится въ 3-хъ верстахъ отъ г. Козельска Калужской губерніи. Прославилась и донинѣ прославляется насажденнымъ въ ней старчествомъ.

никъ изъ праздниковъ; торжество изъ торжествъ возвѣщали міру могучіе Оптинскіе колокола; неслись къ самому небу побѣдные голоса одухотворенной мѣди, ликую и радуясь вѣчной побѣдѣ Неба надъ адомъ, жизни надъ смертью, когда отъ литургіи Свѣтлаго Христова Воскресенія многочисленная семья Оптиной братіи во главѣ съ маститымъ своимъ настоятелемъ шла въ братскую трапезу воздать хвалу Воскресшему Господу радостными разговѣнами послѣ труда бѣднаго и поста строжайшаго великой седмицы Страстей Господнихъ.

Радостно, побѣдно, торжествуяще гудѣла и переливалась въ весеннемъ воздухѣ могучая мѣдная волна колокольнаго великопраздничнаго трезвона.

О, Пасха велія и таинственная, Христе!

Много собралось народу изъ окрестныхъ сель и деревень на Пасхальную ночь въ Оптину: переполненъ былъ соборъ обители. И послѣ литургіи весь праздничный богомольческій людъ веселымъ и шумнымъ, жизнерадостнымъ потокомъ, вслѣдъ за монахами разлился по горѣ Оптинской, по ступенямъ храма и лѣстницы, ведущей къ св. воротамъ, торопясь къ перевозу черезъ многоводную Жиздру ¹⁾, чтобы поспѣть къ семейнымъ разговѣнамъ въ кругу своихъ, проведеншихъ Святую ночь въ приходскомъ храмѣ.

Хорошо, свѣтло, радостно было на душѣ у всѣхъ. Кто изъ православныхъ, живущихъ жизнью матери—Церкви, не знаетъ свѣтлой радости Пасхальнаго утра, когда и само солнышко-то по особому свѣтитъ—„играетъ“?!...

Въ 1906 году Пасха совпала съ весеннимъ половодьемъ. Немного не до бѣлокаменныхъ стѣнъ Оптиной разливается весной многоводная, омутистая Жиздра; а бываетъ, хоть и рѣдко, и такъ, что прямо изъ воротъ садись и поѣзжай на лодкѣ. И неся взломанная весеннимъ пригрѣвомъ сѣдя, косматыя отъ талаго снѣга льдины по стремнинѣ своего русла, доплескивается расходящаяся, могучая рѣка желтой волной разлива, заливая прибрежные ветлы и монастырскія яблони, до самой твердыни стѣнъ Оптинскихъ и лижетъ порогъ Св. воротъ и каменные ступени входа въ св. обитель.

II.

Въ Пасхальное утро памятнаго дня Жиздра еще не выливалась изъ береговъ, но полая вода, едва сдерживаемая упругими берегами, уже мчалась съ ними вровень, шумя и волнуясь не меньше праздничной толпы, стремившейся къ перевозу.

На Оптинскомъ берегу парома не было; онъ только-что от-

¹⁾ Рѣка, протекающая подъ Оптиной Пустынью.

чалиль отъ берега, перегруженный передовой толпой богомольцевъ. Надо было ждать, а ждать, охъ, какъ не хотѣлось деревенской молодежи, по большей части, молоденькимъ дѣвочкамъ—подросткамъ лѣтъ отъ 12-ти до 16-ти. Были съ ними и мальчики того же возраста.

— „Давай, переѣдемъ на лодкѣ! Чего тамъ парома дожидаться!“

Сказано—сдѣлано. А на грѣхъ, на Оптиномъ берегу и лодка оказалась. Старшихъ никого не случилось: своя, стало быть, молодая волюшка! И залѣзло дѣвичьяго народу въ лодку столько, что застонала бы лодка, если бы только была живая.

Какой-то мальчишка, на другой грѣхъ, тутъ случился и влязался править: и отвалила перегруженная народомъ лодка, и поплыла, едва не захлебываясь своими бортами, на стремнину.

И пяти саженой не отплыли отъ берегу, какъ лодка накренившись черпнула воды однимъ бортомъ. Съ визгомъ шарахнула къ другому борту дѣвичье стадо и въ мигъ одинъ на самой быстротѣ перевернулась лодка и, какъ яблоки спѣлыя въ бурю, попадавъ народъ въ омутъ вешняго половодья.

Батюшки—свѣты, родимые мои! Что-жъ тутъ только было! Одно слово: великая кара грозы гнѣва Божьяго. Не пощадилъ Господь святыни Своей: Свѣтлаго Своего Праздника не пощадилъ... Стономъ застонала, крикомъ закричала быстрая Жиздра отъ стону да отъ крику утонающихъ. Увидѣли на Оптиной колокольнѣ страхъ этотъ, стали бить сполохъ: выбѣжали монахи, старушки-монахини со скотнаго двора выбѣжали съ иконами—бѣгутъ всѣ къ берегу, кричатъ: „народъ тонетъ, тонетъ православный народушко!“ Пока бѣжали да добѣжали до берега, а по Жиздрѣ уже только мертвые, закостенѣлыя отъ холодной воды молодя тѣла плывутъ дѣвичьи, да кружатся надъ омутомъ между льдинами кверху дномъ лодка, а на лодкѣ верхомъ—одна молодая бабенка, за которую душъ пять—шесть въ водѣ дѣвокъ держатся; и всѣ онѣ кричатъ:

— „Христось Воскресе! Христось Воскресе! Христось Воскресе!“

Только и спаслись эти, что „Христось Воскресе“ кричали.

Шестнадцать молодыхъ дѣвичьихъ душъ со Свѣтлаго Праздника отошли изъ царства земнаго въ Царство Небесное. Тѣла однихъ розыскали, другихъ же искали, искали, да такъ и не нашли: быстра, многоводна и омутиста весенняя Жиздра!

Долго не забудетъ Пасхальнаго этого утра святая Оптина Пустынь. Не забудутъ его и окрестные крестьяне, особливо тѣ, у которыхъ на Пасху ту справлялись поминки по утопленнику.

III.

Съ 1903-го по 1907 годъ мнѣ ни разу не довелось быть въ Оптиной, но духомъ и въ письменномъ общеніи я былъ съ нею неразлучно до тѣхъ поръ, пока Господу не было угодно призвать меня вновь въ это святое и великое гнѣздо старчества, духовнаго окормителя многихъ православныхъ и, особенно, женскихъ обителей. 1-го Октября 1907 года, на Покровъ Пресвятыя Богородицы Господь призвалъ меня не только посѣтить эту дорогую моему сердцу Пустынь, но и поселиться въ ней на жительство во внѣшней монастырской оградѣ. Отвели мнѣ, страннику и пришельцу, любвеобильные и богомудрые старцы Оптинскіе уютный домикъ и благословили жить и работать во славу Божию, пока живется да пока Богъ грѣховъ терпитъ. И поселились мы съ женой въ этомъ всѣхъ буруеваемыхъ отишии, не помня себя отъ радости, что укрылъ насъ Господь отъ молвы и злобы обезумѣвшаго міра.

Еще съ первыхъ моихъ посѣщеній Оптиной, когда я еще былъ довольнo богатымъ помѣщикомъ, у меня завелись кое-какія отношенія съ окрестными жителями и, въ ихъ числѣ, съ однимъ захудалымъ мужичкомъ изъ сосѣдней съ Оптиной деревни, Стениной. Звали его Сергѣемъ; былъ онъ хлѣбопашцемъ, а въ спорѣ коренному своему дѣлу, которое плохо теперь стало кормить и мужика, и барина, занимался извознымъ промысломъ на парѣ заморенныхъ отъ работы и безкормицы кляченокъ. Привязался этотъ Сергѣй къ моей бывшей помѣщицѣ тароватости и съ перваго знакомства принялъ меня въ свою дружбу, величая меня „мой баринъ“. Хотя и зналъ я цѣну Сергѣевой дружбы, но, по человѣческой слабости, уступалъ ей изліянiямъ: и лошаденки Сергѣевы были дрянъ отмѣнная, и самъ онъ, какъ ямщикъ, никуда не годился, а вся снасть его дорожная была и того хуже, но я другихъ ямщиковъ и знать не хотѣлъ и всюду по Козельскимъ святымъ мѣстамъ—и въ Оптину, и Шамордино ¹⁾—разлѣзжалъ съ Сергѣемъ.

И въ этотъ свой пріѣздъ въ Оптину я вновь, когда мнѣ понадобилось ѣхать въ Шамордино, послалъ въ Стенино за Сергѣемъ. Не забывъ стараго хлѣба—соли, мой Сергѣй явился немедленно по первому зову на томъ же, уже знакомомъ мнѣ, полуразрушенномъ тарантасѣ, перевязанномъ во всѣхъ направленiяхъ пеньковыми обрывками, и съ той же парой заѣзженныхъ, замученныхъ ѣздой и голодомъ кляченокъ.

Не успѣли мы и полуверсты отъѣхать отъ Оптиной, какъ

¹⁾ Шамординская Казанско-Амвросіева Женская Пустынь въ 12 верстахъ отъ Оптиной. Основана великимъ старцемъ, іеросхимонахомъ Амвросіемъ Оптинскимъ. Чудная по красотѣ и по духу обитель.

мой возница обернулся ко мнѣ въ полъ-оборота съ облучка и, по старой со мной дружбѣ, сталъ мнѣ выкладывать свои домашнія скорби. Онѣ у него были и прежде безконечныя: незадачливый былъ какой-то мужиченокъ.

— „А ужъ и скорбь же мнѣ была въ скорости послѣ вашего отъѣзда: 1) вѣдь, у меня на Пасху дѣвка моя, Катька, утонула. Вспомнить, ажъ животь замираетъ! И дѣвка-то какая была—прямо красавица, невѣста!“

Въ голосѣ Сергѣя при этихъ словахъ задрожали слезы; и тутъ онѣ мнѣ рассказали все то, что читателю уже извѣстно.

— „Такъ и не нашли дѣвки“, продолжалъ онѣ, едва перемогая водненіе: „видно, ее иломъ затащило. И мнѣ-то горе, но вдвое горше каждый день 2) смотрѣть, какъ старуха моя по ней убивается: глазъ не осушая, второй годъ по дочкѣ плачетъ. Ажъ жуда нападаетъ слушать, какъ она голосить!“

Такъ плакался мнѣ Сергѣй на свое горе. Я старался, чѣмъ могъ утѣшить, а утѣшить могла только вѣра: о ней я и заговорилъ.

— „Жалко мнѣ тебя, Серега болѣзнь“, говорилъ я: „а все-жъ не худо бы намъ съ тобой попомнить, что не вѣкъ же намъ тутъ всѣмъ жить; а на печи ли, на лавкѣ ли, или подъ лавкой, а умирать каждому придется, какъ срокъ его, Богомъ положенный, выйдетъ... Говѣла постомъ твоя дочка?“

— „Какъ же! Въ Великій Четвергъ причащалась“.

— „Ну, развѣ тебѣ это не въ радость? Въ Великій Четвергъ причастилась, а въ первый день Пасхи Богъ ее взялъ къ Себѣ! А, знаешь ли ты, чѣмъ Церковь-то наша святая утѣшаетъ? Кто, сказываетъ она, помретъ на Пасху, того душа прямо, минуя всѣ мытарства, идетъ къ Господу“.

— „Знать-то знаю; а все-жъ, самъ посуди: каково это родительскому сердцу? Пуше же всего, мнѣ старуху свою жалко: она по дѣвкѣ совсѣмъ изсохла“.

Жалко мнѣ было Сергѣя, но утѣшить его было трудно: въ такомъ горѣ утѣшить можетъ только, Богъ да время, а благодать Божественнаго утѣшенія еще, видно было, не касалась сердца Сергѣя. И пришлось мнѣ перевести разговоръ на другое, чтобы дать иное теченіе Сергѣевымъ мыслямъ. Приемъ этотъ удался, какъ нельзя лучше, но, и перемѣнивъ разговоръ, не напали мы съ Сергѣемъ на веселыя рѣчи: издавна тяжела доля крестьянская, а теперь съ разными свободами да своевольствомъ деревенской молодежи, съ дорогой и вольной водкой и того хуже

1) Послѣдній разъ я былъ въ Оптиной зимой 1905 года и выѣхалъ 16 Января 1906 года.

2) Каждый день.

стала. Не стало никакого порядку въ деревнѣ, пропала правда—матушка, да къ тому же и вѣры поубавилось, а гдѣ и вовсе въ крестьянскомъ быту пропала. Не жизнь, а адво преддверіе стала жизнь крестьянская. Помогите только, Господи, ее вытерпѣть!

Жалко мнѣ было родительскаго сердца Сергѣя, но не было мнѣ жаль Сергѣевой дочки, Кати.

IV.

Какъ переселилъ меня Господь на Покровъ въ Оптину, такъ и сталъ ко мнѣ Сергѣй похаживать, то за дѣломъ по своей извозной части, а то, просто, такъ, не безъ тайной, однако, надежды: не перепадетъ ли ему отъ барина полтинничка на нужду его крестьянскую?..

Въ концѣ мясоѣда, передъ самымъ Филипповымъ постомъ, затѣялъ Сергѣй играть свадьбу своего втораго сына; а незадолго до этого его старшій сынъ, тоже недавно женившійся, чуть не убилъ его со старухой, своей матерью: затѣялъ съ женой отъ стариковъ отдѣлиться и отдѣлился, а при дѣлежѣ отцовскаго достоянія едва, едва не покончилъ на смерть своего родителя.

— „Только я ему сыгралъ свадьбу“, жаловался мнѣ раньше Сергѣй: „потратился изъ послѣдняго да еще призанялъ у добрыхъ людей, а они, вишь, какъ меня отблагодарили! Спасибо, что еще хоть живымъ-то оставили; а всетаки, самъ-другъ съ невѣсткой здорово меня потрепали. Вотъ, они, дѣтки-то, нынѣ стали! И жаловаться некому!... Прежде хоть розги боялись, а нынче никого понимать не стали“.

Просилъ, конечно, Сергѣй у меня денегъ на новую свадьбу, но у меня у самого на ту пору денегъ не случилось, да, прости Господи, и были бы, такъ не далъ бы изъ боязни для Сергѣя на мои деньги новаго раздѣла съ вторымъ сыномъ и съ новой невѣсткой.

Такъ на этотъ разъ и ушелъ отъ меня Сергѣй, не получивъ поддержки.

V.

— „Ужъ и горькій же этотъ мужиченко“, сказывала мнѣ, по уходѣ Сергѣя, живущая у меня на покоѣ одна раба Божія, тридцать семь лѣтъ, по благословенію старца Амвросія Оптинскаго, несшая великій и тяжелый подвигъ странничества: „одна бѣда за другой на него сыпятся. Давно ли одного сына на каторгу за чужой грѣхъ сослали! Тамъ дочь утонула; тамъ, вишь въ семьѣ какая идетъ завируха: дѣлятся, дерутся, никакъ не раздѣлятся. А что дѣлать?... Ну, и времена! Доколѣ же только, Господи, Ты имъ терпишь?... А тутъ ему и отъ старухи своей ни днемъ, ни ночью покою нѣтъ: все по дочери голосить, да,

вѣдь, какъ голосить-то! Иду я нынче по лѣту какъ-то ужъ поздно вечеромъ изъ Шамординой въ Оптину: прошла Стенино да и пробираюсь себѣ тихонько со своей палочкой по берегу Жиздры. Темпѣть уже стало. Вдругъ, въ кустахъ, у рѣчки кто-то около меня какъ застонеть, какъ вззоетъ, да—въ голосъ, что у меня мурашки въ спинѣ закопошились. Съ нами сила крестная!—Уй въ сторону, давай только Богъ ноги: ужъ не дорѣзываютъ ли, думаю, какую душу христіанскую? А то сила, думаю, нечистая не тошнуетъ ли въ омутъ?.. Смотрю: мальчишки деревенскіе—мнѣ на встрѣчу... Что-то, спрашиваю, мальченки, у васъ тутъ на рѣчкѣ точно кто стонетъ? Слышите?... А, говорятъ: да это Стенинскаго Сергѣя жена каждый вечеръ сюда на рѣку по своей дѣвкѣ голосить ходитъ... Тутъ я осмѣлѣла, пошла къ ней, стала утѣшать бабу; да гдѣ утѣшить-то, когда у нея отъ тоски все нутро выболѣло? И Самъ Господь ее утѣшалъ: сколько разъ она во снѣ свою дочь, какъ живую, видѣла, и дочь ей наказывала: „не плачь“, говоритъ, „маменька,—мнѣ хорошо у Господа“. А она и послѣ этого, знай свое, голосить. Жалко бабу, а Сергѣя еще жалче, бѣднягу!“

Да, подумалъ я, гдѣ-жъ тебѣ, матушка, утѣшить, когда и Самъ Господь, по ея маловѣрью, ее не можетъ утѣшить!..

VI.

Не прошло и двухъ недѣль со дня послѣдняго посѣщенія меня Сергѣемъ, какъ мнѣ пришли сказать, что у него умерла его старуха и что самъ Сергѣй меня дожидается на кухнѣ. На зготъ разъ ужъ не на свадьбу пришелъ онъ просить помощи, а на похороны. Тутъ отказу не было.

— „Какъ же это у тебя горе такое стряслось?“—спрашиваю.

— „Да, на свадьбѣ, должно быть, простудилась моя старуха. Свадьбу-то мы, вѣдь, сыграли. А послѣ свадьбы и трехъ день не вышло, какъ свалилась совсѣмъ моя баба; недѣлю похворала да и померла“.

На томъ нашъ разговоръ и кончился. А вечеромъ я отъ своей прислуги и той же старушки-странницы услышалъ, что не просто умерла Сергѣева старуха, а съ великимъ утѣшеніемъ отдала свою изстрадавшуюся душу Господу. Вотъ, что рассказали мнѣ онѣ:

— „Вы ушли отъ Сергѣя, какъ дали ему на похороны, а мы его задержали на кухнѣ чайкомъ попить,—хоть чѣмъ-нибудь утѣшить. Дивно, вѣдь, умерла его старуха! Сказывалъ онъ намъ: въ день смерти и до самой кончины была она въ полной памяти, причастилась Святыхъ Таинъ Христовыхъ; а за часъ, или полчаса до смерти она вдругъ поднялась на печкѣ, гдѣ лежала, а

лицо все просіяло, да и говорить: „здравствуй, Катечка, дочка моя родимая! Да, въ какомъ же ты сарафанъ-то хорошемъ! Какъ же это ты, моя дѣвочка, иль ты не утопла?.. Вѣдь, утопла-жь ты? А сарафанъ-то на тебѣ, гляди, новешенькій... Какъ не истлѣлъ онъ въ рѣчкѣ-то?...“—„Мы“, говоритъ Сергѣй: „думали, что это она въ бреду говорить—кончается, значить. Что, мать? спрашиваемъ: аль помираешь? — „Помирать-то“, говоритъ: „помираю: вонъ и Катя за мной пришла“...—„Какая“, спрашиваемъ: „Катя?“— „Да наша Катя“, говоритъ: „да неужто-жь вы ея не видите?..“— Она говоритъ, а мы все думаемъ, что она ужъ не въ своемъ разумѣ; только—нѣтъ: сказала это и стала тутъ же со всѣми прощаться.—„Прощайте“, говоритъ: теперь ужъ на этомъ свѣтѣ намъ больше не видѣться. Только знайте, что утѣшилъ меня Господь, и отхожу я отъ васъ въ радости: въявѣ была сейчасъ у меня моя Катенька и сказывала, что за мной пришла.—„Теперь“, сказала она: „идемъ ко мнѣ, маменька! Я близко отъ Господа, и у насъ всегда Пасха, и все *Христось Воскресе* поютъ. А какъ поютъ-то! Хорошо у насъ, маменька, не такъ, какъ у васъ!..“—Простилась со всѣми старуха и съ тѣмъ кончилась. Вотъ, вѣдь, какъ померла жена Сергѣя. Дивны дѣла Твои, Господи!“

Христось Воскресе! Христось Воскресе!... Кто въ пучинѣ холодной весенней Жиздры воспѣлъ, въ виду неизбѣжной смерти эту побѣдную пѣснь торжества Христова, тотъ спасся; а кого поглотили въ своей безднѣ вешнія воды и кому, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, не было дано здѣсь на землѣ, въ водахъ Жиздры, помянуть спасительное Христово Воскресеніе, тотъ за вѣчную славу Христовой Пасхи, за побѣдный день Воскресенія, поетъ и въ вѣки вѣковъ безконечно пѣть будетъ славу Воскресшему Господу тамъ, на небѣ, въ Обителяхъ райскихъ Царя Небеснаго, радуясь о вѣчномъ своемъ спасеніи.

Христось Воскресе! Христось Воскресе! Христось Воскресе!
Воистину, Христось воскресъ!

С. Нилусъ.

Оптина Пустынь
23 Ноября 1907 г.

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно получать брошюру:

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

ИЗЪ ЗОЛОТОЙ ПОРЫ ДѢТСТВА.

Троицкій цвѣтокъ № 48. Цѣна 2 коп. съ перес. 4 коп.